

13. Словарь образных слов и выражений народного говора / под ред. О. И. Блиновой. Томск, 1997.
14. Словарь русских народных говоров. Вып. 17. Л.: Наука, 1981.
15. У народа — как у праздника: словарь русской диалектной фразеологии / под ред. Т. А. Гридиной. Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2012.
16. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. СПб.: «Вариант», 1994.
17. Записи диалектной речи, произведенные в селах юга Тюменской области.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. М.: Наука, 1993.
2. Банкова Т. Б. Диалектное слово: материальное и духовное содержание // Вестник Томского государственного университета. № 315. Филология. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2008. С. 7-10.
3. Березович Е. Л. Язык и традиционная культура. М.: Индрик, 2007.
4. Коновалова Н. И. Сакральный текст как лингвокультурный феномен. Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2007.
5. Седов В. В. Восточные славяне в VI-XIII вв. М.: Наука, 1982.
6. Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995.
7. Топорков А. Л. Символика и ритуальные функции предметов материальной культуры // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л.: Наука, 1989. С. 89-101.
8. Чулкина Н. Л. Мир повседневности в языковом сознании русских: лингвокультурологическое описание. М.: Изд-во РУДН, 2004.

Мария
Алексеевна
РОМАНОВА

ИЗ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ г. ТЮМЕНИ

В статье делается попытка (с учетом внелингвистических факторов) показать, что русская речь первоначального населения Тюмени была диалектной и отражала фонетико-грамматические и лексические особенности «материнских» (севернорусских) говоров.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

острог, город, посад, двор, житель, служилые люди, крестьяне, ямщики, речь, говор.

В последнее время в лингвистике разрабатывается вопрос о месте *наддиалектной формы*, включающей «структуры литературного языка и остаточные диалектные черты», в составе русского национального языка

Татьяна Иосифовна БОРКО

ЗРИМЫЙ ОБРАЗ НЕВЕДОМЫХ МИРОВ

Безусловно, самые значимые моменты жизни (от рождения до смерти, переломные вехи в судьбе и течении времени) мы ощущаем как священные. Подобное переживание включает в себя невероятную гамму нюансированных чувств: от будоражащего трепета, оцепенения перед неизведанным, странного томящего ожидания, смутного предчувствия до светлого волшебства и колдовской магии. Поэтому возникают ассоциации, ведущие к глубокой древности, к архаическим ритуалам, завораживающим и вводящим человека в транс, в которых страх и ужас сменяется надеждой и, наконец, восторгом, возносящим в мир богов и духов. Каждому из нас хотя бы однажды, вероятно, удалось испытать подобный сакральный опыт. Но только художнику дано взывать к сакральному и возвещать его в обыденной жизни. Только художнику дарована возможность обращаться к силам могучим и нечеловеческим. В этом смысле, пожалуй, художники сродни жрецам и шаманам, поэтому они существуют всегда на грани между инобытием и здесьбытием. Деятельность творца уже потому причастна сакральной сфере, что уходит за пределы обыденного сознания к тайному и сокровенному. Одних этот опыт пугает, и они стараются стать имитаторами реальности, держатся за ясность и знакомые очертания видимого мира, другие отдают себя во власть сакрального и превращаются в безумцев, доносящих до нас отблески потаенного.

Трудность для художника состоит в том, чтобы выразить неведомое, показать ускользающее от сознания, не имеющее зримого облика Нечто. Можно это сделать, обращаясь к архаичным слоям культуры. Так появляются трогательные странные животные, чьи силуэты заполняют лист бумаги, словно наскальные изображения на шероховатой поверхности камня (Ю. Юдин), древние петро-

[Брызгунова 2009: 30; Кузнецов 2009: 133-135]. В связи с этим актуальным является изучение истории речевой культуры жителей сибирского города, в том числе города Тюмени, истории возникновения «диалектных черт в разные эпохи» и «диалектов как разновидностей русского языка, функционировавших в качестве средства общения на определенных территориях» [Касаткин 1999: 80]. Это поможет выяснить истоки и «географические границы» остаточных диалектных черт в составе наддиалектной формы, причину их сохранения («в том или ином количестве») в речи жителей современной Тюмени, степень их проявления и устойчивости на всех уровнях языка (в фонетике, грамматике и лексике).

История формирования населения Тюмени, освоения города русскими описана в работах Д. И. Копылова, В. М. Кружинова, Н. А. Миненко и других ученых «на чисто исторической основе», поэтому необходимо их исследования подтвердить диалектологическим материалом. При исследовании мы исходим из того, что, с точки зрения складывания говора, Тюмень не является более древней по сравнению с близлежащими селениями. Формирование старожильского говора окрестных деревень и говора Тюмени, на наш взгляд, происходило одновременно. В этом случае сопоставление особенностей архаического слоя говора пригородных сел и деревень с «материнскими» говорами Европейской России (архангельскими, вятскими, вологодскими, пермскими) позволяет восстановить многие севернорусские черты в речи первоначального населения Тюмени в конце XVI-XVIII вв. Как указывает Л. Л. Касаткин, при изучении русских говоров территорий позднего заселения «на первое место выходит выяснение междиалектных и межъязыковых контактов и сопоставле-

ние переселенческих говоров с исходными, материнскими говорами, выяснение путей и причин трансформации переселенческих говоров» [Касаткин 1999: 95].

Материалом для данного исследования послужили собственные диалектологические записи, произведенные во время экспедиций 1973 и 1974 гг. в ряде населенных пунктов Тюменского района (Антипино, Мальково, Быкова, Зайкова, Копытова, Субботина). Изучение говора велось путем непосредственного наблюдения диалектной речи. Наиболее детально изучалась речь лиц старшего поколения, носителей архаического слоя говора. В статье использовались также записи диалектной речи, сделанные В. Н. Светловой во время экспедиции Тюменского пединститута 1959 г. в пяти населенных пунктах (Каменке, Салаирке, Кулиге, Молчановой, Речкиной), «расположенных по реке Туре вверх от г. Тюмени» [Светлова 1965: 4-5].

1. Известно, что первыми русскими поселенцами Тюменского острога (основан в 1586 г. воеводами В. Б. Сукиным и А. Н. Мясным) были служилые люди (казаки, стрельцы) с северо-востока Европейской России [Словцов 1838: 78]. В 1593 г. «в основном» был построен «Тюменский город», причем «основная часть жилого строения оказалась за пределами города, на посаде» [Миненко 2004: 45]. На Тюмень возлагалась «защита русских и татарских порубежных селений», поэтому на протяжении всего XVII столетия среди жителей города преобладали служилые люди [Копылов 1986: 17-18]. После основания «в Тюмени русского города» вслед за казаками, стрельцами стали приходить сюда «пахотные люди» «из Перми и с Вятки, из Солей» [Шунков 1956: 44]. В 1590 г. были направлены в «пашенные крестьяне» 30 семейств, «прибранных в Сольвы-

глифы, смысл которых мы не способны разгадать. Иногда Ю. Юдин обращается к мифу, но не цитирует сюжет, а приоткрывает завесу скрытого за повествованием смысла. Вот перед нами Леда с лебедем, рядом скинутые маски, и вдруг открывается пугающая обнаженность мифа, хотя он не становится более ясным для нас. Художник лишь заставляет зрителя видеть богиню в цветах, слышать чарующее звучание флейты пана, следить за ангелочком, поднимающимся над крышами города, узнаваемого, родного. В сиянии, исходящем от ангелочка, улицы преображаются, из бесцветных превращаются в цветные и начинают искриться нежностью.

Явление ангела над городом можно увидеть в дни Рождества. В этом нас убеждают работы М. Гардубея. Под сверкающими звездами, вспыхивающими разноцветными лучами, происходит шествие ряженых. Звенят колокольцы, звучат песнопения торжественного хора, настраивая всех на встречу с необычным, и вот появляются ангелы с крутящимися дисками, искрящимися всеми оттенками синих, фиолетовых, с проблесками лазоревых цветов. Пространство то сжимается, приближая ночные светила, то расширяется, растекаясь, заставляя нас прислушиваться к звукам, затаив дыхание.

В живописи именно пространственные построения способны передать ощущение некоего таинственного присутствия и событий, которые едва ли характерны для повседневного течения жизни. Пространство может выглядеть почти реальным, но как-то излишне суровым, даже brutальным, как в работах И. Щетинина. Иногда оно раскалывается на части, так что знакомые детали реального мира взрываются, выпадают в иные плоскости бытия, и собрать целостный образ уже невозможно. У Н. Щетининой, напротив, как будто все элементы пространства стремятся выстроиться в упорядоченную структуру, занять свое место, словно их направляет неведомый конструктор, преобразующий материю в определенные формы. Серебристая гамма делает

почти осязаемой созидательную энергию творческого процесса, как будто мы видим мерцающее сияние только что сотворенных вещей.

Сакральный характер пространства может быть подчеркнут отчужденностью, как в произведениях С. Перепелкина. Завораживающее своей леденящей бесстрастностью, с остановившимся временем, это пространство обволакивает нас, погружая в оцепенение и неподвижность. В нем ладья будет вечно скользить по недвижным водам и не сдвинется с места ни на йоту, в нем комета навсегда зависла над пустынной землей и ничто не нарушит ее нескончаемого скольжения в бездну. В этом мире действуют иные законы, иные силы. Пространство, чуждое человеку, появляется и в работах М. Горбуновой. Одинокий силуэт человеческой фигуры вырастает среди аморфной, никак не желающей оформляться вязкой пустоты. В этом пространстве размыты все знаки реальности, становящейся от этого неузнаваемой.

Иногда пространство в произведениях ощущается, напротив, как близкое. В графике В. Глухова оно само есть производное от человеческих фигур, словно люди силой своего воображения создают его вокруг себя. Поэтому кипарисы, облака, изгиб дороги, силуэты горных вершин обретают неповторимые очертания, не свойственные реальным масштабам, пропорциям. Авторское сознание способно породить и другого рода видения, и тогда герой может внезапно оказаться в раю, а может и в гареме хана, где прекрасные жены владыки напоминают вечно юных обворожительных пери, обительниц рая. А сам герой предстает в новых, только что открывшихся ипостасях: он то ли поэт-суфий, то ли пьяный дервиш, по ошибке проникший в гарем, то ли ангел с проросшими крыльями, то ли художник, который все это выдумал или видит во сне.

Мотив сновидения — еще один из способов для художника приблизиться к сфере сакрального. Мы закрываем глаза, и видимый мир исчезает, а иные открываются на-

чегодском уезде» [Шунков 1946: 13]. Несколько десятков крестьянских семейств «из Каргополя, Перми и Вятки» в 1593 г. «было переведено под Тюмень» [Кружинов 1994: 50]. П. А. Словцов отмечает, что слободы заселялись через вызов «казенных крестьян из северных уездов нынешних губерний: Вологодской, Архангельской, Вятской и Пермской» [Словцов 1838: 38]. Часть крестьян, прибывавших из северных и северо-восточных уездов, формировала и «посадский мир» [Копылов 1986: 19]. Кроме того, «на тюменском посаде» появлялось значительное число «гулящих» людей «из уездов и городов Северо-Восточной Руси» [Там же: 20]. Часть из них со временем оседала на постоянное жительство: некоторые «верстались на государеву службу» — в служилые люди, «другие записывались в посадили в крестьяне» [Миненко 2004: 75].

В 1596 г. в Тюмени общее число жителей (стрельцов, казаков, «пашенных крестьян» и посадских) «едва ли превышало 450 человек» [Копылов 1986: 19]. Однако население города «постоянно росло». Так, в связи с прокладкой новой, «бабиновской дороги» в 1601 г. был учрежден в Тюмени «зауральский ям», заселенный 50 ямщиками из северных уездов Европейской России [Словцов 1838: 78]. На них возлагалась гоньба «по казенным надобностям от Тюмени до Тобольска и Туринска» [Копылов 1986: 21; Кружинов 1994: 54], «или где по государеву указу и по подорожным надобны будут подводы» [Миненко 2004: 78]. С 1605 г. ямщики переселились за реку Тюменку, образовав «близ своих пашен» Ямскую слободу. Вторично устроенный в 1629 г. «русский ям» в Тюмени (были прибраны в «ямские охотники» 50 человек из посадских людей и «гулящих») к концу 1630 г. состоял из 88 дворов, в которых

«проживал 171 человек мужского пола» [Там же]. За Турой в начале XVII в. образовалась «крупная татаро-бухарская слобода, не имевшая никаких укреплений» [Миненко 2004: 100]. «Бухарцы» были выходцами из Средней Азии, главным занятием их была торговля.

По данным дозорной книги, в 1624 г. население Тюмени, «по сравнению с 1596 г.», увеличилось «более чем в три раза» — до «1700 человек». В городе имелось 348 дворов, из которых «185 принадлежали служилым людям (включая отставников) и духовенству, 66 — посадским, 49 — крестьянам, 26 — ямским охотникам, 16 — вдовам, матерям и дочерям служилых людей, шесть — бобылям» [Миненко 2004: 75], по-прежнему «подавляющее большинство «жилецких дворов» располагалось на посаде» [Там же: 76]. По переписи 1624 г., в городе «было 157 посадских мужского пола ..., из которых 77 жили «у всяких людей по подворьям». В этом документе называются недавние переселенцы («в основном из Поморья»): «двинянин» Микитка Федотов, «вычегжанин» Федоска Иванов, «двинянин» Девятко Панфилов, «пермитин» Тренька Селивестров, «пермитин» же Ивашка Иванов, «щищелянин» Васька Юрьев, «сысолятин» Митька Васильев, «вычегжанин» Кирилко Матвеев, «белозерец» Дружинка Иванов, «пинежанин» Гаврилка Иванов [Там же]. Попутно отметим, что бобыли также были «пришлыми» из северных «мест». Например, бобыль Ивашка Кокшаров «прибыл из Соли Вычегодской», Афонька Ширеев — «с Пинеги», Ивашка Тотмянин — «с Тотмы» [Миненко 2004: 81]. Хотя часть тюменских посадских людей в 1630 г. оказалась в ямщиках, «численность посада к 1634 г. достигла 209 человек мужского пола» [Там же: 79]. К концу столетия посадское насе-

шему внутреннему взору. Пространство сконцентрировано вокруг фигуры спящей женщины («Сон в полуденную ночь» В. Глухова). Тени от листьев, солнечные блики на одежде, мягкий ветерок как будто нашептывают ей: все, что видится во сне — где-то существует. Герой картины О. Власова также погружен в сон. Над ним распростерся опрокинутый мир, словно отражение происходящего на небесах. Хотя видение прекрасно, оно в то же время невероятно печально. Человек одиноко парит в неизвестном измерении, без опоры на знакомую реальность. Остаться там — невозможно, вернуться сюда — тоже. Сны бывают изысканно хрупки, как в произведениях Г. Змановской. В работах художницы мир похож на наборную мозаику из отдельных цветов, звуков, ароматов. Кажется, он может распасться под легким дуновением ветерка, как одуванчик в руках героини на одном из полотен. Но если быть деликатным, можно увидеть призрачные очертания Летучего Голландца в небе, хрустальные соцветия необычных растений, чудесных птиц. Волшебство возможно, если ты способен верить в чудо. Оно случается всюду, даже в самых обыденных ситуациях. Стоит взглянуть внимательней, и тогда все вокруг преобразуется, меняет перспективу, масштабы, открывая новые возможности, как для Алисы в стране чудес на холсте М. Лебедевой. Правда, иногда вещи в нем оказываются не тем, чем нам видятся, и под масками скрывается нечто ужасное. И тогда невнятные, тягостные миры вызывают отторжение, как в одноименной картине М. Лебедевой.

Все объекты превращаются в таинственные, требующие расшифровки знаки (серия А. Долгих «Гунны»). Их предсказания выглядят, скорее, зловещими, нежели благоприятными. Образы обрушиваются на человека, подобно наваждению, от которого невозможно освободиться. Мир состоит из знаков и являет собой записанный кем-то текст. Мы в нем — отдельные буквы, не понимающие, какие слова порождаются нашими взаимоотношениями, действиями, поступ-

ками. Иногда знаки превращаются в радостные письма. Танцующие арлекины О. Федорова, очерченные одной сплошной линией, балансируют на грани между тем и этим миром. Кувыркающиеся акробаты, канатоходцы легки и воздушны. Добрые клоуны парят над городом, поднявшись на надувных шариках к небесам. Трогательные в своей нелепости, они простодушно смотрят на окружающий мир, и мир отвечает тем же — он открыт и светел. В этом балагане, изящном шутовстве все вращается, крутится, падает и внезапно останавливается в немыслимом равновесии, свидетельствуя о непрерывном круговороте жизни и о возможности увидеть ее священные моменты, замерев на секунду.

Так в работах художников священное являет себя во множестве ликов, случайно или преднамеренно, то удивляя и маня за собой, то устрашая, то приоткрывая завесу тайны, то делая ее недоступной.

ление выросло до 445 человек. В «Ведомостях Тюмени» 1700-1701 гг. указан «состав посада» из 479 «тяглецов» [Там же: 81].

Продолжала расти численность служилых людей. В 1624 г. в тюменском гарнизоне насчитывалось стрельцов и казаков 326 человек, в 1636 г. — 849, к началу 1670-х гг. — 1002 человека. Особенно «резко» после 1630 г. увеличилась численность стрельцов. Если в 1630 г. в Тюмени «имелось 70 пеших казаков и 71 стрелец», то «в 1699 г. — 86 пеших казаков и 394 стрельца» [Миненко 2004: 67-68]. Это объяснялось тем, что, «в связи с обострившейся обстановкой на степном пограничье», в 1635 г. в Тюмень было переведено 500 стрельцов «из Холмогор» [Буцинский 1889: 99; Миненко 2004: 68]. И, как полагает В. Н. Светлова, «какая-то часть этих холмогорских стрельцов, вероятно, рассе-

И. Щетинин. В ПАРКЕ КАРЛАГА. 2007

лилась по уезду» [Светлова 1965: 5]. Всего в конце XVII столетия в Тюмени было около 750 дворов, в которых «проживало примерно 3 тысячи человек» [Миненко 2004: 81]. К 1719 г. в Тюмени количество дворов выросло до 982-х, из них «593 двора находились в остроге, 247 — в Ямской слободе и 142 — в слободе за Турой. Всего в этих дворах проживало около 4100 человек» [Миненко 2004: 134, 136]. Как видим, данные исторической литературы свидетельствуют об однородном (севернорусском) составе населения Тюмени в конце XVI-XVII вв.

2. Уже «в первые годы» жители Тюмени (служилые люди, посадские, «пашенные крестьяне», «ямские охотники») начали заниматься земледелием и основывать на своих пашнях деревни. На «дальних полях» служилые люди «заводили деревни со скотными дворами, сараями и амбарами» [Копылов 1986: 22]. Обычно земельные участки они приобретали «в непосредственной близости от города», лишь небольшая часть пашен «была удалена от города на 10-30 верст» [Миненко 2004: 74]. Так возникли «деревни детей боярских Парфеновых и Войновых» [Копылов 1986: 22]. Перепись 1623 г. «вниз от города по Туре» зарегистрировала деревни 18 рядовых стрельцов и казаков (Ермачки Колмогорца, Андрюшки Угренина и др.) и «стрелецкого десятника Титки Васильева». Пять деревень-однородок находились «вверх от Тюмени по Туре»: Васьки Лепешки, Треньки Пелымского, Митьки Голая Шуба, Алешки и Михалки Насекиных. Шесть «служилых деревень» (Степана Молчанова, Федьки Вятченина, Треньки Кулакова, Гришки Данилова, Савки Коклягина, Андрюшки Черемисина) располагались «близ Кривого озера». В 1623 г. «более 40 служилых домовладельцев ... проживало не в городе, а у своих пашен, в деревнях-однородках» [Миненко 2004: 74]. В первой половине XVII в. «вверх и вниз по Туре стояли дворы Ларьки Гусельникова, Первушки Букина, Созонки Быкова и другие» [Кружинов 1994: 51].

Подобно «служилым», «усадыбы-деревни» имели жители Тюмени и других сословий. Так, «перепись 1623 г. зарегистрировала 10 деревень посадских людей на р. Туре и шесть — на р. Шешуковке» [Миненко 2004: 78]. «Житель тюменского посада Семейка Гилев основал деревню Гилево», в это же время появилось «посадское село» Каменское (основано выходцами «из г. Усолья») [Кружинов 1994: 51]. Вверх по Туре находились деревни «посадских людей Семейки Зырянина, Васьки Вятчанина, пашенного крестьянина Ивашки Казанца» [Светлова 1965: 5]. К 1629 г. «новоприбранные ямские охотники» имели дворы не только «на посаде», но и «в деревнях при пашнях» [Миненко 2004: 78]. В дозорной книге 1685-86 гг., составленной Львом Поскочиным, «среди жителей д. Речкино упоминаются два брата Речкины из Тюмени» [Светлова 1965: 6]. Постепенно «размеры деревень» вокруг Тюмени увеличивались, и «к концу XVII столетия стали преобладать селения, имевшие по 10 и более дворов» [Кружинов 1994: 51]. Таким образом, первые жители Тюмени, выходцы из северных и северо-

восточных уездов Европейской России (Колмогорского, Белозерского, Каргопольского, Сольвычегодского, с. Пинеги, Вятки, Перми, Усолья и др.), заселяли и «деревни, ближайшие к городу» [Буцинский 1889: 92].

3. В «пашенной» Тюмени (и окружающих «служилых деревнях») в конце XVI-XVIII вв. в результате взаимодействия между различными севернорусскими говорами складывалась система полноокающего старожильческого говора. Сохранившийся ряд унаследованных от «материнских» говоров (преимущественно говоров Поморья и вологодско-вятской метрополии) диалектных черт в архаическом слое окающих старожильческих говоров окрестных деревень проливает свет на состояние формирующегося говора Тюмени в данный период.

Фонетические черты. В системе *вокализма* — пятифонемный состав гласных, позиционные чередования 'a//e, e//i' и (на месте древнего «ять») в ударных слогах (грЯзной — гресь, свет — свИтит) и безударных (грязнУля — грезИна, стрелОк — стрилЕц) в зависимости от твердости-мягкости последующего согласного, полное оканье (водА, водЯной, пО воду; травА, травяной, вЫтравить), заударное ёканье (вИтёр, вЫвёс, стАйок, крАйом, стОнёт, Озёро, пОлё); в системе *консонантизма* — фонема /г/ взрывного образования и чередование ее с [к] в конце слова и в середине слова перед глухим согласным (дрУга — друк, берегУся — поберЁкся), мягкость недолгих шипящих (ш'Или, ж'Или, киш'Ат, лЁж'а), взаимная мена шипящих и свистящих (порОжной — порОзной, сарАпат — шарАпат) и шепелявость /с'/ и /з'/ (Ос"ень, з"има), позиционно не обусловленные варианты /в/ — нуль звука (внезАпно — незАпно, вОфсё — Офсё, сЫзнова — сЫзноа, здрогнУла, зойдЁт «взойдет»), сохранение исторической мягкости у согласной /р/ в сочетании *er* перед заднеязычными согласными (зЕр'кало, четвер'гА, вер'х), ослабление сильной позиции для парных переднеязычных перед твердыми губными (вЕдма, писмО, восмОй, возмУ), произношение [ў] на месте фонемы /л/ на конце слова и перед согласными (упАў, пОўной) и в соответствии с /в/ (траўка, праўдешной), позиционные чередования б//м (обрЕзаў — оммотАў), б//в (обрубИў — овалЯў) и /т/, /т'/ с нулем звука в связи с утратой взрывного в сочетаниях [ст], [с'т'] на конце слова (пЕть вЁрс, крес, кос'), произношение слова «когда» с отражением диссимиляции в сочетании двух взрывных (колдА и колдЫ).

Морфологические черты. В системе *именных форм* — окончание *-ы* в форме род. пад. ед. числа существительных жен. рода на *-а* и твердой основой (у сестрЫ, от копнЫ), склонение существительных типа «дедушка» по мужеско-среднему типу склонения (дЕдушко, у дЕдушка, с парнИшком), формы дат. и предл. падежей ед. числа на *-е* у существительных жен. рода с нулевой флексией в исходной форме (к печЕ, по грезЕ, на лошаде, в грезЕ), образование форм мн. числа от некоторых существительных со значением родства с суффиксом *-овй-* (*-евй-*) (братовйА, зетевйА) и словоформы *кресйАна* «крестьяне»; форма род.-вин. пад. ед. числа личных и воз-

Сакральное слово

вратного местоимений на -'а (менЯ, тебЯ, себЯ), омонимичная форма дат.-твор. пад. мн. числа лично-указательного местоимения *йимя* (к йимЯ — с йимЯ); флексия -ова в род. пад. ед. числа имен прилагательных и неличных местоимений муж. и ср. рода (роднОва брАта, фсЯкова добрА); в системе глагольных форм — употребление суффикса инфинитива -чи у глаголов с основой настоящего времени на заднеязычный согласный (волокчИ, берекчИ), сохранение конечного безударного *и* в суффиксах -ти и -сти (после согласного [с]) (слИсти, грЫсти, сИсти и сЯсти), твердое *т* в окончании глаголов 3-го лица ед. и мн. числа настоящего времени (берЁт — берУт, спеш'Ит — спеш'Ат), формы 2-го лица мн. числа типа *ведитЕ, плетитЕ* у глаголов с неподвижным ударением на флексивной морфеме, наличие неподвижного ударения на окончании у многих глаголов II спряжения (ловИш, ловИт, ловИм, ловЯт, катИш, катИт, катЯт), широкое распространение стяженных форм прилагательных, неличных местоимений и глаголов (нОва избА, фсЯка нУжа «нужда», крАсну лЕнту, большО стаДо, дОбры лЮди; знаш, знат, умЕт, умЕм), употребление бесприставочных глаголов с суффиксом -ива- (-ыва-) для обозначения многократного действия в прошлом (кУпливала, вАж'иваў) и для подчеркнутого полного отрицания действия в прошлом (не разу не хвАрывала). Указанные диалектные явления в фонетико-морфологической системе конструируемого говора Тюмени являются чертами диалектов севера и северо-востока Европейской России. На его монодиалектную (севернорусскую) основу указывает также ряд синтаксических черт: употребление согласуемых постпозитивных частиц -от, -та, -ту, -то, -те (дОм-от, избА-та, Избу-ту, ведрО-то, лЮди-те), предлога *по* с вин. пад. неодушевленных и одушевленных существительных «в конструкциях с целевым значением» [Захарова, Орлова 1970: 93] (пойЭхаў по сестрУ, збЕгаў по пилУ), предлогов *подле, возле* в сочетании «с винительным падежом имени» [Там же: 113] (вОзле бЕрек, вОзле пАш'ню, пОдле сарАй).

Жители Тюмени употребляли многие севернорусские слова: квашОн-ка, кОвшик, сковорОдник, зЫбка, крИнка, ухвАт, погОда «плохая погода», молотИло «ручное орудие для молотьбы», суслОн «малая укладка снопов, поставленных в поле для просушивания», Уповод «период работы без перерыва», завОр «жердь, закрывающая проезд», боронИть, брЕзговать «чувствовать брезгливость по отношению к кому-чему-н.», орАть «пахать», объягнИлась (об овце) [Захарова, Орлова 1970: 76-77, 94], специфически вологодские лексемы: тУес «сосуд для жидкости, сделанный из бересты», назЁм «навоз», долОнЬ «площадка для молотьбы», стАя «постройка для мелкого скота», поскОтина «открытое огороженное место для скота», разболокАться «раздеваться» [Там же: 113]. Все эти слова известны жителям окрестных деревень: *квашОнку-ту она уж замисИла; йЭсь кОфш'ик чЕрпать вОду-ту; погОда, дАк некуда не уйЭдёш* (Копытова), *рАне ф поле хлЕб-от ф суслОны стАвили, дОш не мОчит; у загОну завОры лАдили,*

ж'Ерди-те выдЕрьгивали; дадИм Уповот — и сидИм оддыхАм; ф тУйэс налеваАли квАсу ли молокоА — на покОс иттИ, чичАс редЕнько у ково Он йЭсь (Мальково), йэдинолИшно ж'Или, дАк молотИлом-то рОбили; на до-лОне молотИли, настилАли снопы-те с тОй сторонЫ и з другОй (Субботи-на); назЁм-от ис пригОну вывозИли; куда уйдЁт скотИна-та с поскОтны; говорили орАть, пахАдъ дАк (Быкова); гляжУ — овЕчка-та уш обйагнИ-лася; тОлько розболОкся — по муж'ика-та прибежАли, йэмЯ наДо помок-чИ (Антипино) и др. Итак, диалектологические материалы подтверждают данные историков о севернорусском происхождении первоначального населения Тюмени.

4. Русские выходцы из северных и северо-восточных уездов Европейской России с конца XVI — начала XVII в. пришли в весьма тесное соприкосновение с татарским населением, вступили с ним в постоянные экономические и культурные контакты, которые осуществлялись «по многим линиям». Так, к строительству Тюменского острога в 1586 г. «привлекали и местных татар» [Миненко 2004: 44], служилые люди («дети боярские, казаки и стрельцы») покупали или «брали в заклад земельные участки у местного ясачного населения» [Там же: 73]. Еще в начале XVII в. из ясачного татарского населения выделилась группа так называемых «юртовских служилых татар», которые «по своему положению и обязанностям приближались к русским служилым людям» [Бахрушин 1927: 8; 1955: 172]. Таких «служилых татар» числилось в «тюменской команде» почти ежегодно более ста человек. В 1630 г., например, «конная служба» в Тюмени возлагалась «на 60 конных казаков ... и 107 служилых татар» [Миненко 2004: 68]. Вместе с конными казаками «служилые татары» несли разнообразные военные обязанности [Бахрушин 1955: 165; Миненко 2004: 65-69]. Помимо участия в «военных походах», «юртовских служилых людей» посылали всюду «к русским служилым людям в прибавку» [Бахрушин 1955: 166]. Следует отметить, что в 1741 г. население татаро-бухарской слободы за Турой составляли не только «татары и бухарцы», но и русские [Миненко 2004: 140]. Дворы татарские и бухарские стояли и «в самом городе» [Там же: 134, 136]. На рубеже 70-80 гг. XVIII в. среди мужского населения города числилось «76 новокрещенных ясачных татар» [Там же: 166]. Вместе с русскими жителями татары и «бухарцы» занимались торговлей [Миненко 2004: 84, 183, 186].

Под влиянием «повседневного хозяйственного и культурного общения» с «пашенными крестьянами» в экономике тюменских татар земледелие принимало все более устойчивый характер [Бахрушин 1955: 160]. «С XVIII в., — пишет Д. И. Копылов, — различия в культуре земледелия русских и татарских крестьян в значительной мере стерлись. Татары заимствовали у русских способы обработки земли и полевые культуры» [Копылов 1994: 62]. В конце XVIII в. у них появились и огороды с теми же видами овощных культур», что и у русских [Там же].

Г. Змановская. СПЯЩИЙ АНГЕЛ. 2009

Длительная совместная жизнь русских с тюркским населением, постоянное общение, торговля создавали благоприятную почву для проникновения татарских элементов в формирующийся русский старожильческий говор. Этот процесс происходил особенно активно с конца XVII — начала XVIII в., когда большая часть татарского населения становилась двуязычной. На стадии «смешанного двуязычия» татары через «говоренье на русском языке» передавали складывающемуся русскому говору некоторые фонетические особенности своего родного языка. Результатом двуязычия татарского населения в говоре Тюмени можно считать такие диалектные особенности, как возникновение позиционно не обусловленных вариантов согласных по звонкости — глухости (сОда — сОта, огромАдной — огромАтной, мОжно — мОшно; сапогИ — сабогИ, загнЕта — загнЕда, фсЁ-таки — фсЁ-даки, распашнОй — розбашнОй, йЭсли — йЭзли, фИкус — фИгус), употребление варианта фонемы /и/ гласного [ы] внутри слова после заднеязычных согласных (кЫска, кЫркат «ворчит», скЫркат «скребет», башкЫры, кыргЫзы). Некоторые диалектные фонетические черты, вынесенные первоначальным населением из вологодско-вятской метрополии, закрепились под влиянием иноязычной (тюркской) среды (например, взаимодействие шипящих и свистящих и шепелявое произношение /с'/ и /з'/, случаи выпадения /в/ < ъ в начале и в середине слова, палатальный характер /ж'/ и /ш'/).

5. Выработке единой системы окающего старожильского говора в Тюмени к середине — концу XVIII в. способствовали тесные производственные контакты его носителей. Почти всех жителей города (служилых людей, «пашенных крестьян», посадских, ямщиков и др.) связывала трудовая, земледельческая деятельность. Так, многие тюменские казаки и стрельцы сочетали службу «на государя» с хлебопашеством, и «уже в начале 1620-х гг. в Тюмени было зарегистрировано 141 служилое земледельческое хозяйство» [Миненко 2004: 73]. По данным дозорной книги 1624 г., среди «ямских охотников» и крестьян «не было ни одного «беспашотного» дворохозяина» [Там же: 82]. Связанным с сельским хозяйством было и посадское население [Там же: 76, 78, 81]. Хлебопашество оставалось главным занятием большинства жителей Тюмени и «в первой четверти XVIII в.» [Там же: 166].

Со второй половины XVII в. все группы городского населения *наряду с земледелием* стали заниматься ремеслами (выделкой кож, шитьем обуви, кузнечным делом, мыловарением, деревообработкой и пр.) и торговлей. В начале XVIII в. служилые люди составляли в Тюмени почти половину ремесленников и торговцев города [Миненко 2004: 164]. К ремеслу прибегали также «пашенные крестьяне», ямщики, «гулящие» люди [Там же: 83, 166, 180]. Однако со второй половины XVIII в. «лидирующие позиции в этой сфере городской экономики успели прочно занять посадские люди» [Там же: 165]. Горожане-ремесленники «свою продукцию ... продавали не только в своем городе и уезде, но и в других сибирских городах, вывозили на Ирбитскую ярмарку ...» [Миненко 2004: 166]. Тюменские торжки «привлекали ... гостей-коммерсантов из самых разных мест: из соседних уездов, с южных укрепленных линий, с Урала, из городов Европейской России». «Зимой в Тюмень на торжки, — замечает Н. А. Миненко, — приезжало до двух тысяч человек» [Миненко 2004: 181]. Таким образом, «к последней четверти XVIII столетия Тюмень успела пройти путь от военно-административного и земледельческого населенного пункта к собственно городу — центру ремесла и торговли» [Там же].

Сходная трудовая деятельность объединяла всех жителей Тюмени, а это не могло, в свою очередь, не способствовать сближению особенностей их речи — появлению общих специфических черт в речи носителей первоначально различных севернорусских говоров. Постепенно указанные выше конструируемые диалектные черты становились общими для всех групп городского населения.

6. Сохранение многих диалектных черт в окающем старожильском говоре жителей Тюмени конца XVIII в. во многом объясняется малограмотностью населения. Первая школа в городе появилась только в конце XVII в. До этого «обучение велось частными «мастерами грамоты» — писцами, подьячими, церковнослужителями ...» [Кружинов 1994: 56]. С момента основания Тюмени начал создаваться «комплекс церковной архитек-

туры». И в остроге, и на посаде было построено несколько церквей («к началу 1780-х гг. в Тюмени имелось 8 церковных приходов» — Миненко 2004: 159). В 1616 г. «на мысу поймы р. Бабарынки заложили» Преображенский (Троицкий) мужской монастырь [Кружинов 1994: 58], в 1621 г. на берегу Туры был основан Ильинский девичий монастырь [Миненко 2004: 76]. При церквях и монастырях «имелись небольшие библиотеки», которые постоянно пополнялись «в последующие годы» новой богослужебной литературой («печатными книгами в переплете»). Книги «религиозного содержания» имелись и в домах «мирских» жителей Тюмени [Там же: 101]. В начале XVIII в. при монастырях «действовали духовные училища», в которых «обучали не только грамоте, молитвам, священной истории, но и иконописанию, а также ремеслам» [Миненко 1995: 133]. В 1780 г. возникла славяно-русская школа при Троицком монастыре [Копылов 1986: 63], которая поставляла «грамотных людей духовному ведомству и гражданским учреждениям» [Копылов 1994: 87]. Детей служилых людей отправляли на учение в Тобольск, «в гарнизонную школу» [Копылов 1986: 63], «обучали в ней военному делу, грамоте и различным ремеслам» [Копылов 1994: 86]. Сенатским указом 1744 г. «запрещалось неграмотных определять в сибирские дворяне и дети боярские, а предписывалось верстать их на местах в рядовые казаки» [Там же: 88]. Однако при «проверке» исполнения данного указа обнаруживалось, что среди «дворян, детей боярских, приказных служителей и их детей», «числившихся грамотными, большинство могло лишь читать и писать, а некоторые только ставить свою подпись» [Там же].

Центром культурной жизни города становится открытое 24 ноября 1789 г. первое в Тюмени светское учебное заведение — двухклассное «малое народное училище», в котором детей «всех сословий (20-65 человек) ... учили чтению, письму, нумерации, священной истории и рисованию» [Копылов 1986: 63]. Однако для города с почти 6-тысячным населением («к 1790 г. в Тюмени насчитывалось 1045 обывательских домов и 5916 жителей» — Миненко 2004: 160) такого контингента учащихся было недостаточно.

Развитие в городе ремесел и промыслов, расширение связи с рынком, открытие духовных училищ и двухклассного малого народного училища и в связи с этим увеличение среди жителей Тюмени числа грамотных людей, умеющих читать и писать, — все это не могло не оказать влияние на диалектную речь старожильческого населения города. Можно полагать, что к концу XVIII в. в полноокающем говоре потомков первоначального населения острога и посада уже происходил процесс утраты некоторых особенно «заметных» диалектных черт. Так, заударное ёканье, по-видимому, стало связываться лишь с безударным окончанием глаголов I спряжения (бУдѣш, стАнѣт, мОйом), утрачивалось произношение *колдА*, начинали вытесняться такие диалектные формы, как *кресйАна*, *пекчИ*, *стерекчИ*, архаические формы дат. и твор. падежей мн. числа лично-указательного

местоимения на *-мя* (йимЯ, с йимя). Постепенно речь новых поколений горожан — ремесленников и торговцев («цеховых», «мещан», «купцов») — стала отличаться от речи крестьян окрестных деревень. Полноокающий старожильческий говор окружающих деревень, сформировавшийся одновременно с говором Тюмени, устойчиво сохранялся, так как крестьянское население в данный период «почти сплошь» было неграмотным [Копылов 1994: 88].

Выводы. 1. Окающий старожильческий говор Тюмени формировался с конца XVI в. примерно до середины — конца XVIII в. в условиях взаимодействия носителей различных севернорусских говоров (преимущественно архангельских, вологодских, вятских, пермских) с носителями тюркских диалектов (в основном диалектов татарского языка). Одновременно тот же тип говора складывался в окрестных деревнях, заселенных служилыми людьми, посадскими и «пашенными крестьянами» из Тюмени.

2. Процессу формирования единой системы окающего старожильческого говора в Тюмени в условиях междиалектного и межъязыкового контактирования способствовала сходная трудовая деятельность всех групп городского населения, «независимо от их сословной принадлежности и основного рода занятий» (занятия хлебопашеством, ремеслами и торговлей).

3. Становление торгово-ремесленного центра в уездном городе, увеличение числа грамотных людей, умеющих читать и писать (в связи с открытием в XVIII в. духовных училищ и двухклассного светского учебного заведения), не могло не отразиться на процессе утраты в речи жителей Тюмени («цеховых», «мещан», «купцов») наиболее «заметных» диалектных черт севернорусского происхождения (например, произношения *колда*, употребления форм *кресйАна*, *пекчИ*, к йимЯ — с йимЯ и др.).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бахрушин С. В. Ясак в Сибири в XVII веке. Новосибирск, 1927.
2. Бахрушин С. В. Сибирские служилые татары в XVII в. // Научные труды. Т. III. М., 1955.
3. Брызгунова Е. А. Место наддиалектной формы в составе русского национального языка // Актуальные проблемы русской диалектологии и исследования старообрядчества. Тезисы докладов Международной конференции 19-21 октября 2009 г. М., 2009.
4. Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Харьков, 1889.
5. Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970.
6. Касаткин Л. Л. Русские диалекты // Народы и культуры. Русские. М., 1999.
7. Копылов Д. И. «Российское могущество Сибирью прирастать будет» // Очерки истории Тюменской области. Тюмень, 1994.

8. Копылов Д. И., Князев В. Ю., Ретунский В. Ф. Города нашего края: Тюмень. Свердловск, 1986.
9. Кружинов В. М. На восточных рубежах страны // Очерки истории Тюменской области. Тюмень, 1994.
10. Кузнецов В. О. Языковая ситуация в современном Брянске: от диалекта — к наддиалектной форме языка // Актуальные проблемы русской диалектологии и исследования старообрядчества. Тезисы докладов Международной конференции 19-21 октября 2009 г. М., 2009.
11. Миненко Н. А. Тюмень: летопись четырех столетий. СПб., 2004.
12. Миненко Н. А. Традиционная духовная культура русского населения Урала и Западной Сибири и православная церковь (XVIII-XIX вв.) // Русская духовная культура Западной Сибири и Урала (проблемы филологии, истории, образования). Т. I. Тюмень, 1995.
13. Светлова В. Н. О некоторых фонетических особенностях говоров Тюменского района // Вопросы современного русского языка и диалектологии. Тюмень, 1965.
14. Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. Кн. I. М., 1838.
15. Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — нач. XVIII вв. М.; Л., 1946.
16. Шунков В. И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век). М., 1956.

Эльвира
Викторовна
КЕЛЬМЕТР

ДЕСАКРАЛИЗАЦИЯ СМЕРТИ в лирике Иннокентия Анненского

В статье рассматривается опыт переживания смертного лирическим героем Иннокентия Анненского, а также его десакрализация как поэтическое преодоление смерти.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

траурная символика, смертная тематика, ирония, десакрализация, черная весна.

Сложно назвать другого русского поэта, который писал бы о смерти столько, сколько писал о ней Иннокентий Анненский. Понятие траурного эстетизма, выдвинутое современником Г. И. Чулковым по отношению к критическим работам поэта, едва ли не более применимо к его лирике [Чулков, URL]. По крайней мере в 36 из 245 оригинальных (непереводных) стихотворений автор обращается к темам смерти, похорон, в них появляются траурные атрибуты (гроб, гробовщик, саван, тело, кадило, ладан, цветы, крест, могила и др.). Большинство текстов смертной тематики вошло во вторую книгу стихов — «Кипарисовый ларец». Некоторые из них носят говорящие названия: «У гроба», «Умирание», «Черная весна», «Братские могилы» и др.